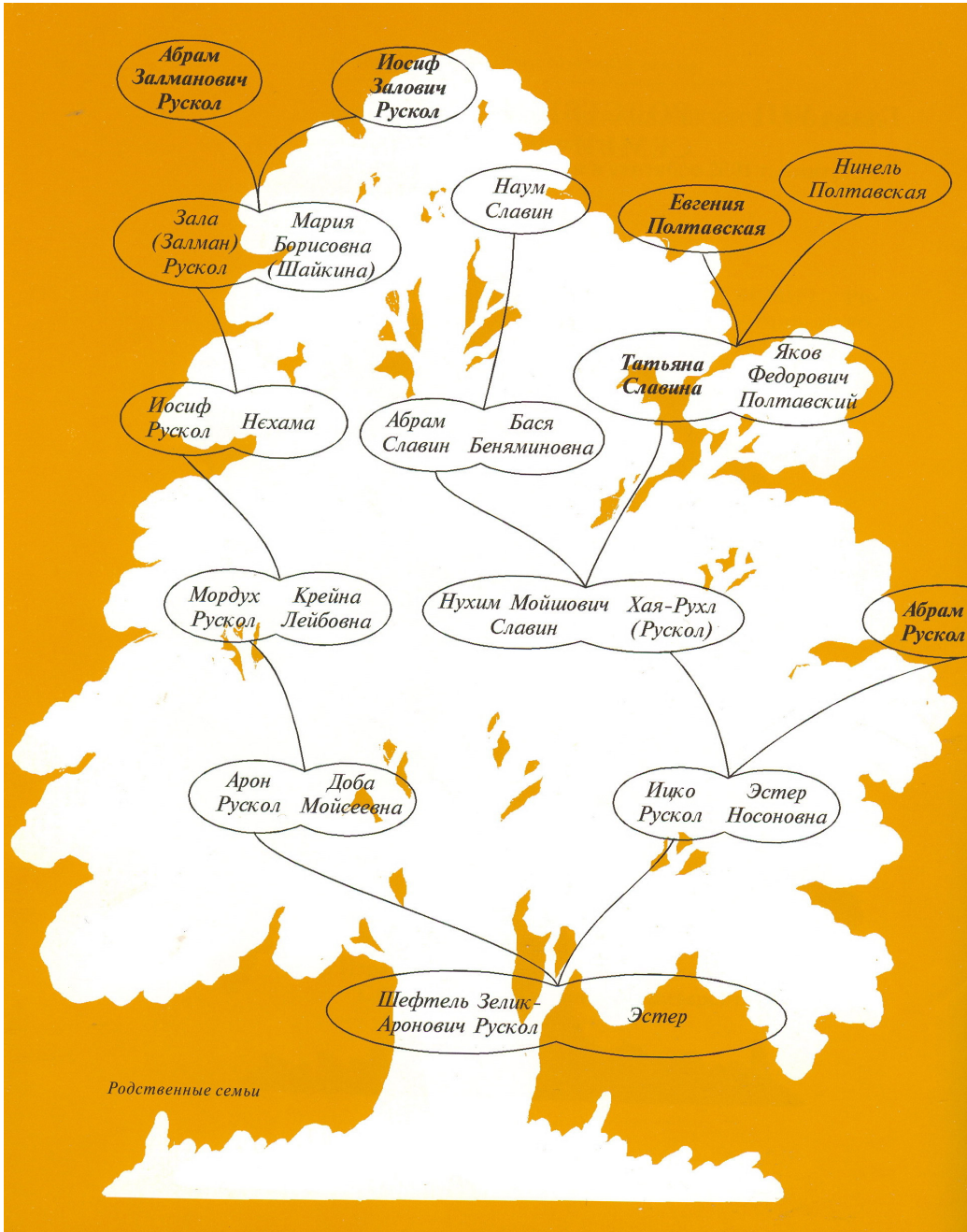

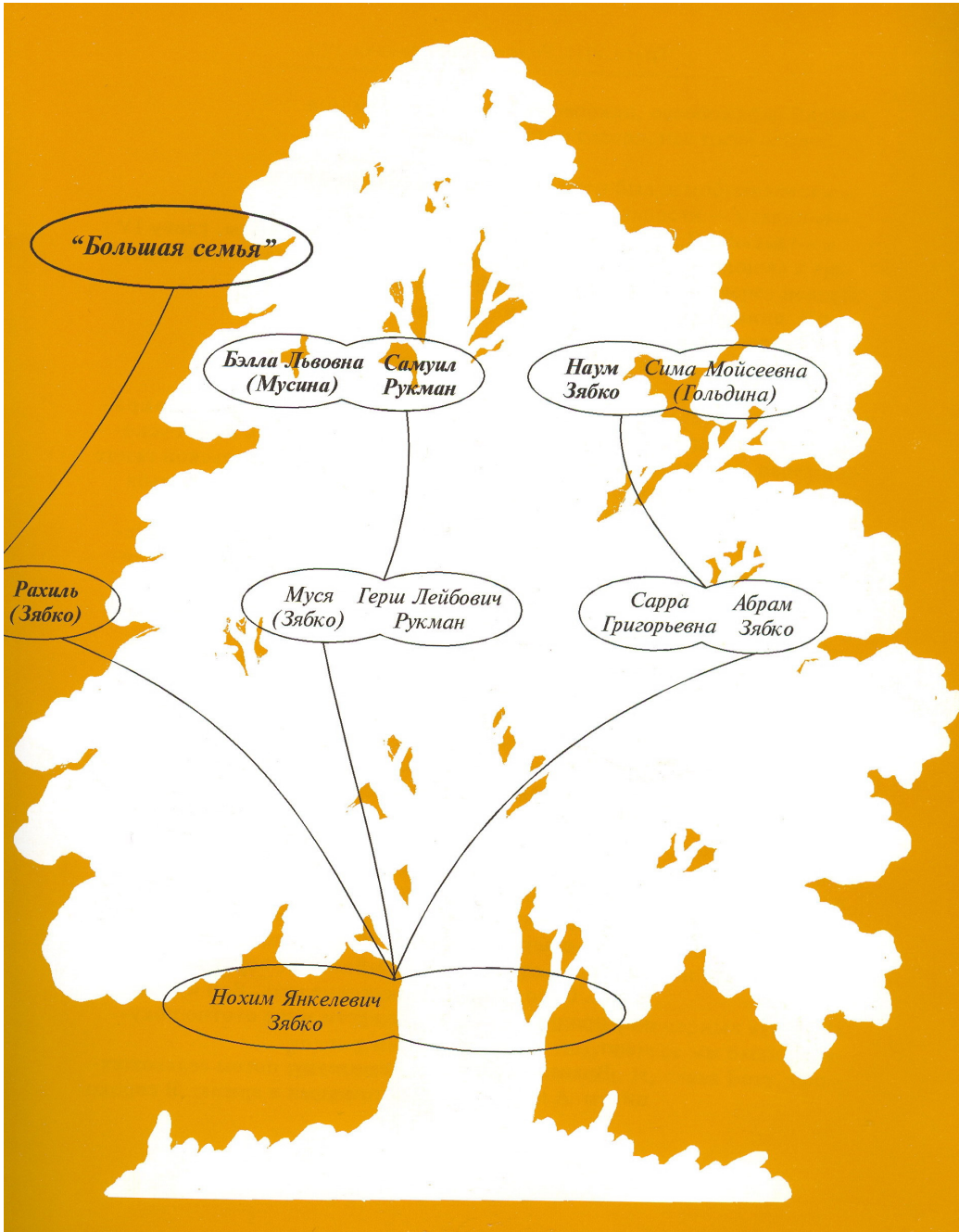
Глава VIII РОДСТВЕННЫЕ СЕМЬИ

У «Большой семьи» очень много родственников. В каждом поколении их появлялось все больше и больше. В этой книге приведены биографии и описания только некоторых семей, родство которых связано с предками первого поколения либо непосредственно с ним.

Родственные семьи

РУСКОЛЫ— потомки Арона Рускола (см. главу IV «Биографии Большой семьи» и генеалогическое дерево потомков Шефтеля Рускола).

РУСКОЛ АБРАМ ЗАЛМАНОВИЧ. Приводим сокращенное интервью Михаила Френкеля с А. З. Руско-лом, опубликованное в украинско-израильской газете «Голос» № 274 от 1-7.08.99 под названием «Судьба человека».

«Он родился 1 мая 1919 года в еврейской земледельческой колонии Нагартав. Но в день тот бедняки-землепашцы праздник солидарности трудящихся не отмечали. В село ворвались деникинцы и начался погром.

— Мама, — рассказывает Абрам Залманович, — завернула меня, родившегося всего несколько часов назад, в пеленки и спрятала под кроватью. В разгар грабежа один деникинец вбежал в комнату и увидел под кроватью сверток. Он, видимо, решил, что там спрятано какое-то добро, выхватил шашку и замахнулся, чтобы разрубить сверток, когда мама страшно закричала, вслед за ней и я. И чудо это или не чудо, но он опустил оружие и ушел.

Так Бог его миловал в первый раз...

— В детстве я учился, — продолжил мой собеседник, — а летом, как все, работал в поле. Евреи-земледельцы. В это до сих пор многие не верят в Украине. А ведь было, было. Да и сегодня есть. Вон израильские продукты, говорят, во всем мире охотно покупают.

Вначале я закончил семилетку, потом сельхозтехникум. А в тридцать девятом ушел в армию. В сороко-

вом мы уже, как тогда говорили, освобождали Латвию, Литву и Эстонию. Честно говоря, нас тогда встречали хорошо.

В сорок первом я должен был демобилизоваться, собирался работать по специальности — механиком-трактористом. Но было не суждено. Пятнадцатого июня сорок первого года наша часть подошла к границе. Мы знали, что идем на войну. И через неделю она началась. Знали — быстро шли к границе. Но сдерживать врага не могли. У нас в артиллерийском соединении имелось 12 гаубиц, но не было ни капли горючего и ни одного снаряда.

Помню утро первого дня войны. Мы стояли в лесу у литовского городка Пяжемяне. Я влез на дерево и наблюдал, как немцы строем, с оркестром, переходили границу. В душе кипело, но встретить их было нечем. Я уже сказал — ни одного снаряда мы не имели. И мы начали отступать. Прошли сотни и сотни километров. Помню, вышли к Неману. Кто умел плавать — спасся. Кто нет — утонул. Было страшно и больно так терять друзей.

А под Великими Луками немцы окружили пять наших армий. В плен попало много не только солдат, но даже генералов. Попал и я вместе с нашим полковым комиссаром Кравченко, который еще за день до этого взял у нас комсомольские билеты и красноармейские книжки и закопал, как он сказал, в надежном месте. Комиссар тогда же переоделся в гимнастерку рядового бойца.

Немцы бросили нас, «новичков», в огромную грязную яму, вырытую в центре лагеря. А утром вызывали для записи. Когда подошла моя очередь, я оглянулся по сторонам — никого из своей части не увидел. И тогда я сказал: Васильев Василий Иванович.

— Вы не были похожи на «типичного», с точки зрения немцев, еврея?

— Да. Ни носа с горбинкой, ни черных курчавых волос у меня не было. К тому же, все мы были грязные и на самих себя не похожи. И, слава Богу, про несло.

А тут еще я заболел сыпным тифом. Немцы же панически боялись заходить в лазаретный барак. Здесь мне повезло еще раз. Меня узнал знакомый врач из Херсона. Но, спасибо, не выдал.

Однако, все время везти не может. Когда я выздоровел, меня с другими пленными отправили в Двинск. Там был большой лагерь, тысяч на сто заключенных, и поначалу тоже никто не углядел во мне еврея. А там творились жуткие вещи. Я и сейчас, спустя много лет, не могу привыкнуть к тому, как некоторые люди спокойно реагируют, когда смотрят документальную кинохронику о страшном геноциде времен войны. Мы теперь знаем, что были безвинно убиты миллионы евреев. А тогда я, совсем молодой парень, своими глазами видел, как фашисты убивали моих сестер и братьев. Стариков, маленьких детей. Это были жуткие сцены.

А через некоторое время пришел, казалось, и мой черед. Я вышел вечером из барака и столкнулся лицом к лицу с полицаем-чеченцем. Он как-то недобро посмотрел на меня и говорит: «Юде». Я отвечаю: «Нет, азербайджанец». Я так сказал потому, что знал — мусульмане тоже делают обрезание и меня на этом не поймают. Но полицай покачал головой и вновь сказал: «Юде! Завтра утром на построении выйдешь вперед». Я осознал — это все. Но, сам уж не пойму как, эта страшная ситуация заставила меня не отчаяться, а придала решимости что-нибудь предпринять. Я пошел к Косте из Ленинграда — парню, с которым успел подружиться. «Надо бежать, — сказал он, — я тоже с тобой, не могу на этих гадов спокойно смотреть».

На наше счастье, на вышке в ту ночь дежурил знакомый австриец, который к пленным относился без особой злобы. А если мне уж повезло по-крупному, то везет и в мелочах. Я в игре в карты удачлив. И как раз за несколько дней до побега выиграл три пары часов. Вот их я и отдал часовому. А он нам позволил пролезть через проволоку.

У нас с Костей было немного хлеба и воды и мы за двое суток ушли от лагеря километров на восемьде-

сят. Но тут нас поймали латышские полицаи. Однако, видимо, Бог на небе простер надо мною руки, потому что обратно в лагерь нас не повели. А попали мы в портовый город Щецин, куда собрали пленных, чтобы потом угнать на работу в Германию. Я этого очень боялся, поскольку был уверен: уж в Германии точно узнают, что я — еврей.

И тут я вдруг услышал, что отправляется корабль с пленными в Норвегию, в Осло. Спросите меня, как я оказался на том корабле, — не отвечу и сегодня. Все было, как в горячке. А уже когда прибыли по назначению, фельдфебель докладывает капитану: «Один лишний». Но тот, к счастью, только махнул рукой.

Так я очутился в лагере Андебью возле города Тен-сберг, что примерно в 130 километрах от Осло. Вкалывали мы на лесоповале. Тяжелая работа, но главное было — выжить.

—А каковы в лагере были порядки?

—Немцы относились к нам жестоко, но особо не зверствовали. Наверное, сказывалось то, что Норвегия находилась вдали от главных сражений войны. Кроме того, норвежцев они считали почти своими — нордической расой. А эта «нордическая раса» к нам, советским военнопленным, относилась лучше, чем к немцам. Бывало, гонят нас из лагеря в лес на работу, а вдоль дороги хлеб, кусочки мяса лежат — так норвежцы поддерживали нас.

А в начале мая сорок пятого пришли американцы и сказали: «Русские, вы свободны!» Они еще нам предложили уезжать, кто куда хочет. Мы задумались. Часть из нас боялась возвращаться в СССР, помня о том, как относился Сталин к «предателям», попавшим в плен. Да и характеры у людей разные. Меня, как только нас освободили, пригласила к себе жить норвежская семья. Я старался отплатить им за добро. Работал с утра до ночи, подружился с сыном хозяев Зигуртом и дочерью Гайдун.

Я радовался мирной жизни. А вокруг было еще не так тихо. Американцы не арестовали лагерную охрану, а велели им носить на рукаве белые повязки. Но пока

Глава VIII. Родственные семьи

американцы наводили порядок, наши бывшие пленные почти всех немцев втихую перебили. Такова жизнь. Каждый давал волю чувствам по-своему.

А потом в поселке появились советские офицеры и стали агитировать нас уезжать домой, на Родину.

*А. З. Рускол спустя
50 лет на «Русском
поле» в Норвегии —
месте, где он был в
немецком плену.
1998 год*

—И Вы уехали обратно в Союз. Почему? Что для Вас была Родина — Сталин? Коммунизм? Березки на опушке?

—Вы ведь знаете: мы, евреи, очень любим своих близких. Для меня Родина — это родня. Я очень надеялся, что мама, отец и братья живы. К счастью, так и оказалось. Но об этом я узнал позже. А тогда, в сорок пятом, нас через Стокгольм отправили в Союз. В Муроме, как и остальных, меня вызвали в военную контрразведку СМЕРШ. Следователь спросил: «Как зовут?» Я отвечаю: «Рускол Абрам Залманович». Его

аж со стула, словно пружиной, подбросило: «Как? Ты хочешь сказать, что ты, еврей, выжил в немецком концлагере?»

Я ему рассказал все, как было. Он все равно не очень поверил:

—Я из 98 тысяч наших пленных в Норвегии только одного еврея знаю — тебя. И это подозрительно. Придется тебя послать, куда следует, чтобы там узнали, чем ты в Норвегии занимался.

—Ничем, — отвечаю ему, — особенным не занимался. Лес валил.

—Вот-вот, и там лес будешь валить, — сказал следователь.

И попал я на Крайний Север в Коми АССР, в Ухту. Лес, правда, не валил, в гараже работал. Но тут два обстоятельства помогли. Во-первых, поверил мне один местный чекист. А после уже я послал весточку домой и неожиданно приехал мой младший брат. Он лихой парень тогда был, у самого маршала Чуйкова в специальной разведкоманде служил. Похлопотал за меня. Так я и пробыл на Севере до самой смерти Сталина.

—Абрам Залманович, мне в жизни приходилось встречать не менее десяти евреев, которые пережили оккупацию или плен. И не было среди них хотя бы одного, кто тут же не попал в советские лагеря именно за то, что выжил в немецких. Скажите, Вам не было обидно?

—А нужно ли об этом спрашивать? Конечно, обидно было. Но когда особенно тоска подкатывала, я думал о тех, кто погиб, был благодарен судьбе за то, что жив.

В Ухте я пробыл восемь лет, успел даже жениться. А в пятьдесят третьем вернулся в Украину. Послевоенная жизнь была, как у многих, — свои «цурес» и «нахес». У меня две взрослые дочери. Одна из них живет в США.

—Ну, а Вы?

—Вы об эмиграции? Честно говоря, жизнь сейчас тяжелая. Я получаю пенсию 90 гривен 93 копейки в

Глава VIII. Родственные семьи

месяц — это примерно 23 доллара. Жена — вдвое меньше. Богачи! Так что всякие мысли в голову приходят.

А зимой нынешнего года приехал я в Киев погостить к двоюродному брату и вдруг что-то накатило на

*Дочь А. З. Рускола
Елена со своей
дочуркой*

меня. Говорю: «Давай сходим в норвежское посольство». И пошли. Назвал я там имена своих друзей из Андебью. «Может, живы?» — говорю. Оказалось, Зигурт и Гайдун живы. И очень обрадовались, что и я жив. Сразу же прислали мне приглашение. И я поехал. Такая радостная встреча была — не рассказать! Мы объездили всю страну. Хорошо они там живут. Я, конечно, не только о зажиточности говорю. Там на улице вы не встретите человека со злым выражением лица. Вы не хотите спросить меня — когда же так будут жить в Украине? Так я Вам все равно отвечу — не скоро. У них ведь уже много десятилетий привыкли

заботиться о человеке. А у нас? Раньше о том, чтобы дать план. Сегодня — вообще о чем угодно, только не о людях. А евреям вообще еще аукнется, что двое-трое из них вылезли в «олигархи». Но что делать, и не в таких переплетах мы бывали. Надо жить. Надо...»

РУСКОЛ ИОСИФ ЗАЛОВИМ. Приводим статью Иосифа Шайкина, опубликованную в газете «Еврейские вести» № 19-20 в октябре 1999 г. под названием «Маршал и солдат».

«Казалось бы, что общего между прославленным полководцем, дважды Героем Советского Союза маршалом Василием Ивановичем Чуйковым и бывшим солдатом Иосифом Заловичем Русколом, родившимся в 1925 г. в семье еврея-крестьянина в еврейской земледельческой колонии Нагартав на юге Украины?»

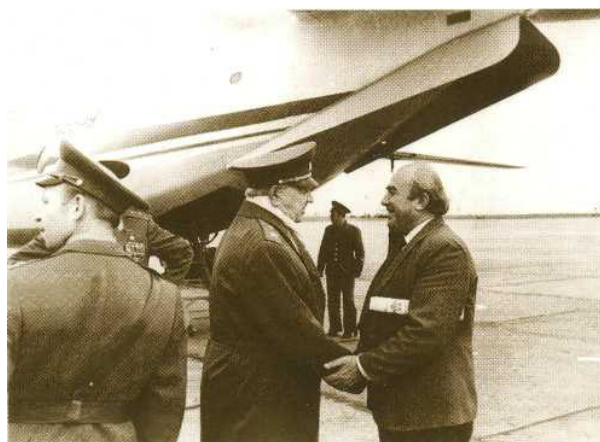
Оказалось, много: фронтовая судьба, воспоминания о грозных событиях Великой Отечественной войны, участниками которой они были оба. И еще личное чувство благодарности маршала к отважному саперу, не раз спасавшему своего командира от мин, коварно заложенных фашистами на дорогах и в домах, где должен был проехать или расположиться В.И.Чуйков.

Славный путь побед прошла 62-я армия (затем 8-я Гвардейская) под командованием В. И Чуйкова. Она отстояла Сталинград, освобождала города и села Украины и Польши, участвовала в штурме Берлина. И всюду в гуще боев находился сапер спецкоманды Иосиф Рускол. Не счесть количество обезвреженных им вражеских мин.

Существует такая поговорка: «Сапер ошибается только один раз». Бывают и исключения. Однажды в развалинах Сталинграда в январе 1943 г. Иосиф не совладал с миной новой системы и она взорвалась. Но произошло чудо. Он остался жив, его лишь ранило в правую руку и контузило.

После излечения солдат Рускол вернулся в родную армию. Его ратный труд отметили высокими солдатскими наградами. Дважды командующий армией Чуйков лично вручал ему ордена Славы III и II степеней. Не дотянул Иосиф до ордена Славы I степени — закончилась война.

После победы над фашизмом гвардии рядовой Иосиф Рускол очищал улицы и здания Берлина от мин и боеприпасов, служил в саперной спецкоманде при комендатуре города.

*Маршал В. И. Чуйков
и И. З. Рускол.
Одесса, 1974 год*

Вернувшись к мирной жизни, Иосиф Залович работал экскаваторщиком на строительстве Ингулецкой оросительной системы в Николаевской области, затем в Запорожье на заводе «Днепроспецсталь». Неоднократно ездил в Сталинград на встречи с боевыми побратимами, на празднование Дня Победы.

Бывая по служебным делам в Москве, Иосиф Рускол посещал маршала Чуйкова в его рабочем кабинете в Министерстве обороны СССР. Маршал интересовался его жизнью, оказывал ему внимание и заботу, помог вне очереди получить легковую автомашину, что в 50-х годах было сложной проблемой. По просьбе

РУСКОЛЫ

маршала горисполком Запорожья предоставил Иосифу Русколу в центре города благоустроенную квартиру.

В 1974 г. маршал В.И.Чуйков приехал в город-герой Одессу на празднование 30-летия освобождения города от фашистов. Увидев Иосифа, он трогательно обратился к нему: «Сынок, подойди ко мне». Маршал обнял и расцеловал возмужавшего, теперь уже почти 50-летнего «сынка». Он помнил его восемнадцатилетним. Сопровождавшие маршала генералы и офицеры были удивлены, когда он пригласил Иосифа в свою автомашину в поездку по городу. При отлете Чуйкова в Москву Иосиф был среди провожавших маршала.

Василий Иванович Чуйков ушел из жизни в 1982 г. в возрасте 82 лет и похоронен в Волгограде на Мамаевом кургане. А «сынко» — И. З. Рускол умер после тяжелой болезни в 1985 г. — в шестьдесят лет.»

СЛАВИН АБРАМ НАУМОВИЧ. Родился в 1894 г. в еврейской земледельческой колонии Ефингар Херсонского уезда Херсонской губернии в семье крестьянина-бедняка. Начав свою трудовую жизнь с 13 лет, он вплоть до 1917 г. батрачил у кулаков в Баштанском районе Николаевской обл.

В 1917 г. А.Н. поступает на завод им. Марти в Николаеве, затем в рядах Красной Армии сражается на фронте гражданской войны. По возвращении с фронта в родное село Ефингар он избирается председателем первого крестьянского сельскохозяйственного кредитного товарищества, а позже заведует полеводством Ново-Полтавского еврейского сельскохозяйственного техникума.

Свою работу в техникуме он сочетает с упорной учебой и в 1929 г. заканчивает Ново-Полтавский техникум, получив звание агронома-полевода. В 1932 г. приезжает вместе с группой работников этого техникума в Крым для работы в Чеботарском сельскохозяйственном техникуме. Здесь так же упорно повышает свои знания и на сороковом году жизни заканчивает зоотехническое отделение Чеботарского техникума.

В период коллективизации А.Н. приходит в Сакскую машино-тракторную станцию и работает здесь участковым агрономом, всецело отдаваясь делу организационно-хозяйственного укрепления колхозов, повышению культуры социалистического земледелия.

Вскоре А.Н. выдвигается на должность старшего агронома Сакской МТС, затем — исполняющего обязанности директора этой, а позже — Чапаевской МТС.

В годы Великой Отечественной войны он работает в Дагестане старшим агрономом Серго-Калинской МТС. После освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков возвращается в Сакский район и возглавляет трудную работу по восстановлению Чапа-

СЛАВИНЫ

евской машинно-тракторной станции. Руководимая им МТС с превышением выполняет годовые задания.

Коллектив рабочих, специалистов и служащих Чапаевской МТС и колхозники сельхозартелей «Ленинец» и «Красный боец» выдвинули А.Н. кандидатом в депутаты Крымского областного совета депутатов трудящихся.

СЛАВИН НАУМ АБРАМОВИЧ: Я родился в 1926 г. в селе Ново-Полтавка на Николаевщине. Мои предки при Александре I переселились из Белоруссии в неосвоенные степи. Образовались еврейские села, так называемые колонии. В ревизской сказке тогдашней Херсонской губернии мой прадед Мойше Славин (переселение состоялось при его деде, тоже Мойше) записан земледельцем. Мои родители сохранили верность земле, сельскому образу жизни. Отец, Абрам Наумович Славин, в сорок лет закончил сельхозтехникум и работал агрономом. Завершил он свой трудовой

*Славины:
Бася Беняминовна
и Абрам Наумович,
Наум Абрамович и
Лидия Николаевна
и их сын Владимир*

путь директором машинно-тракторной станции (МТС), его долго по-доброму помнили в селах. А мама до войны и после обычно держала кур, корову, выкармливала поросенка. Родители вели трудовую честную жизнь, были, кстати, абсолютно безрелигиозны, и мне странно слышать, что нравственность невозможна без церкви, синагоги или мечети. Верой родителей, всего их поколения была Советская власть, интернационализм. Я унаследовал эту веру.

Не могу достоверно вспомнить, когда с идиш я перешел на русский язык. Одноязычным стал, по-видимому, с 1935 года, когда семья переехала из еврейского колхоза в город (тогда рабочий поселок) Саки в Крыму. Здесь до войны я закончил семилетку, со школьных лет у меня сохранились четыре похвальные грамоты. Что сказать о тех трудных и славных годах? Мы, мальчишки, были горячими патриотами СССР, готовились к службе в Красной Армии, гордились оборонными значками. Я, например, в 14 лет прилично стрелял из малокалиберки. Но вообще меня занимали высокие материи: астрономия, физика. Благодаря радио я открыл для себя музыку.

Я пишу о тех годах, потому что детство, отрочество — время становления. После накапливались знания, опыт, углублялись жизненные оценки, сглаживались крайности. Но каков я был в личном плане в 14—15 лет, таков и сейчас.

В 1941 году семья эвакуировалась, мы осели в Дагестане. Там я поступил в педучилище, на последнем курсе сам преподавал географию будущим даргинским учителям. Уроки приходилось вести с переводчиком.

Мне дали возможность завершить учебу, через месяц я уже ехал из запасного полка на фронт. В настоящее время я — ветеран, инвалид войны; и вот что скажу о моем ветеранстве. Оно невелико, но высокой пробы. Восемь месяцев во фронтовой дивизии. Стрелок со старой трехлинейкой, второй номер при ручном пулемете. Рядовой разведчик с ППШ. Комсорг дивизионной разведроты. Младший сержант с меда-

лю «За отвагу» слева и значком «Отличный разведчик» справа. Был ранен осколком, к счастью, неглубоко. Исчезла юношеская рефлексия. Такого единения с людьми, с товарищами, молодыми истарыми, разных наций, такого слияния с народом, как в то победное время, я уже никогда не испытывал. Моя дивизия, 150-я Идрицко-Берлинская, водрузила Знамя Победы над рейхстагом. Я, к сожалению, не участник берлинских боев — меня командировали на курсы батальонных комсоров.

В 1947 году я вернулся к родителям в Сакский район. Выбирать не приходилось — поступил в Крымский педагогический институт. И через четыре года с женой Лидой (оба — преподаватели истории) приехал в Керчь. Жена вспоминает: «Дали нам комнатку в Доме приезжих, в поселке имени Войкова — всюду еще развалины, а я сразу почувствовала: мой город, хочу в нем жить». Здесь родилась дочь Таня, сын Володя, здесь мы живем и поныне.

Я выработал педагогическую выслугу лет. Вел, преимущественно, старшие классы. В год смерти Сталина меня приняли в партию. Оговорюсь сразу. Мои коллеги, за немногими исключениями, вступали в партию не ради карьеры (какая у учителя карьера?) и не ради привилегий (их, собственно, у рядовых коммунистов не было). И я не выходил из партии, когда это стало поветрием, не сдавал партийный билет — мне было бы стыдно. У меня свой счет к руководству старой партии, главное: верхушка не хотела настоящего социализма и чуралась настоящего народовластия. Она предала Советскую власть, когда высосала из нее все возможное для себя. Но я остаюсь, при всей своей нынешней беспартийности, убежденным сторонником социализма — первый не удавшийся опыт ничего еще не доказывает. Вспомним, как долго и кроваво шло становление капитализма, как долго он был «диким». А социализму ведь только несколько десятков лет, он сделал первую пробу. Спираль истории приведет снова к плану и общественной собственности. Во всяком случае, ни в экономическом и социальном, ни в мо-

рально-этическом отношении рынок и частный интерес не «тянут» на то, чтобы стать вершиной человеческой цивилизации. Добавлю, что я был и остаюсь ненавистником шовинизма в любом его виде.

Теперь, наверное, я должен сказать о своем писательстве. В школе, в учительской работе я скоро почувствовал: чего-то мне не хватает. Толчком послужил конкурс Крымиздата на лучшую книгу для детей. За три месяца написала повесть (название «Откровенный разговор» пришло не сразу). Я послал рукопись в Симферополь «на авось». Повесть получила вторую премию (первая не присуждалась); в ней были живые впечатления молодого классного руководителя. Книжка вышла через полгода. Теперь отступить было некуда.

В 1954—1971 годах у меня вышли книжками четыре повести и сборник рассказов для детей, а точнее — о детях. Появлялись рецензии, автора больше хвалили, чем ругали (пока еще числился «молодым»). Но членом Союза писателей я стал только после выхода в свет повести-воспоминания «Мы — разведчики» (мое авторское название «Моложе нас не было»). Что сказать о детских книжках? Наиболее удачна последняя повесть «Шум на третьем этаже», хотя она доставила мне много огорчений редакторскими придирками и даже учено-педагогическими запретами. Есть свои достоинства в повестях «Голуби в небе», «Сашкино лето», немало и характерных для писателя и времени слабостей. После «Шума» я перестал писать для детей.

Пробовал себя в большой, «взрослой» повести «Сестра». Но истинная моя сфера — художественно-документальная проза, а также публицистика, очерк. Лучшей своей работой считаю документальную повесть «В разведке» (опять не повезло с названием, предложенное мною «Впереди полков» в Лениздате почему-то зарубили).

Теперь у меня вполне готова документально-публицистическая книга об Эльтигенском десанте. Работа получила хорошие квалифицированные отзывы, но до

СЛАВИНЫ

сих пор не издана из-за отсутствия спонсора. Намерен засесть за воспоминания-эссе о своем времени, о передуманном, прочувствованном. Я ощущаю потребность реабилитировать мое поколение в глазах молодых, которых уж очень ныне сбивают с толку.

СЛАВИНА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА. Родилась в 1901 г. в еврейской земледельческой колонии Ефингар Херсонского уезда Херсонской губернии в семье земледельца Нохома Славина и его жены Славинной (Рускол) Рухл Ицковны. Молодой девушкой, в 16 лет оставила отцовский дом и устремилась в бурную жизнь революционных времен Гражданской войны. Теперь она из Тейбл Нухиновны стала русифицированной Татьяной Михайловной.

...С 1920 года, когда херсонские большевики приняли в свои ряды девятнадцатилетнюю девушку, бывшую прачку, побывавшую санитаркой под Каховкой на врангелевском фронте, — со времен гражданской войны она переменила много мест и разных должнос-

*Татьяна Михайловна
Славина, ее дочь
Нинель Яковлевна и
внучка Таня. 1962
год*

тей. И все по партийному заданию. Сознательно она избрала трудную, нередко опасную, не знающую покоя жизнь рядового бойца партии. Эта жизнь требовала постоянной собранности, готовности. В Херсоне, Кременчуге, Черкассах, Скадовске — женоргукома, инструктор губкома... Собирала по эшелонам и станциям голодных, тифозных детей и сама свалилась в тифе. Реквизировала хлеб у кулаков — револьвер постоянно при себе; на ночь оставаться в селе нельзя — убьют бандиты. В те годы семейные обстоятельства коммуниста не брались в расчет: надолго расставалась с мужем Яковом, членом партии с дооктябрьским стажем. Малолетнюю дочку Женю приходилось оставлять в Доме малютки.

Бандиты ранили Якова Полтавского. Это уже в Белоруссии, на родине мужа. Здесь Татьяна Михайловна была больше на хозяйственной работе. Началась индустриализация, строились новые предприятия. Ей поручили создать и возглавить трикотажную артель. Вначале нужно было прогнать прежнего хозяина, объединить кустарей-одиночек. С этой витебской артелью, ставшей впоследствии фабрикой, связаны многие годы. Нет оборудования, и Татьяна Михайловна едет в Москву, добивается приема у М. И. Калинина. Всесоюзный староста помог получить валюту на покупку германских станков. Дело постепенно наладилось. Но устойчивой оседлости у семьи коммунистов все равно не было. У обоих, мужа и жены, все время срочные командировки, переброски: то порознь, то вместе на передовой фронт борьбы. Татьяна Михайловна едет на чистку партии в глубинный район. В разгар коллективизации ее посылают женоргом в политотдел МТС... И Женя остается вдвоем с маленькой Нелей.

Святое время, кристальной чистоты люди! Татьяну Славину направили на год в Ленинград изучать трикотажное дело. И свой студенческий паек она отсылает в Витебск, сама перебивается в буфете, столовке, проще сказать — крепко недоедает. На попечении мужа, кроме детей, были его мать и младший брат. Яков Федорович

СЛАВИНЫ

Полтавский ведал в это время всеми городскими пекарнями, но хлеб в семье ели только по скудной иждивенческой норме. За два года до войны муж умер: сказались окопы империалистической войны и бои гражданской, раны, травля тайных врагов, лишения и тяжелая болезнь. Жить семье стало труднее. Астаршей дочери Жене подошла пора учиться, выбирать профессию. И она стала студенткой в Москве. А когда нагрянула война, от нее пришло письмо: «Немец прет на Москву, придется, видимо, защищать ее». Больше не было вестей.

Татьяна Михайловна Славина с младшей дочкой ушли из города вместе с отходящими войсками. В дороге пристали к гурту угоняемого на восток скота. Творилось страшное: бомбежки, сумятица, горели поспевающие хлеба. Чудом удалось вырваться из фашистских клещей. В Калуге представитель ЦК Компартии Белоруссии назначил коммунистку Славину политруком группы гонщиков и указал дальнейший маршрут. В Оренбуржье Татьяна Михайловна стала счетоводом колхоза и, конечно же, секретарем парторганизации. Ей в обыденность: где бы ни жила, куда бы ни бросила ее судьба, всюду она не сама по себе, а человек партии, проводник и исполнитель партийной воли.

Завершалась первая военная зима. Накануне Международного женского дня парторг Славина взяла на вечер пачку газет, чтобы подготовить доклад к праздничному собранию колхозниц. На развороте «Правды» взгляд выхватил фотографию. Женя!!! Статья первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А.Михайлова называлась «О восьми повешенных в Волоколамске»...

Тогда сразу на нее навалилось черное беспамятство. После надолго пропал сон. Днем на работе как-то удавалось отвлечься. Ночами в глазах стояла виселица, и ветер раскачивал тела. С сильнейшими сердечными приступами Татьяну Михайловну положили в районную больницу. Старый доктор придумал средство против бессонницы: больную на телеге возили по кругу, пока не находило забытье... Ну, затем еще три военных года, нескончаемая страда колхозного парторга,

всегда среди людей. Сев, уборка, хлебосдача, подписка на заем, сбор средств на строительство танковой колонны, отправка продуктов в госпиталь, собрания, громкие читки сводок Совинформбюро, отчеты, беседы, организация помощи вдовам и сиротам, помощь освобожденным районам. И многое, многое еще: каждодневное, обязательное, чрезвычайной срочности.

После Победы Татьяна Михайловна вернулась в разоренный Витебск. Одно время заведует сектором кадров облисполкома, направляет бывших партизан на укрепление местных Советов. Потом — снова на старой фабрике. Для восстановления корпусов брали кирпич из соседних развалин. В этом материале недостатка не ощущалось. Строительный лес пригнали наплавом по Западной Двине. Возводили стены, а в подвале уже работала красильня. Ввезли мотальные машины на первый этаж и начали класть следующий.

Переехала в Керчь, закончив трудовой путь, пенсионеркой. Здесь к юбилею Октябрьской революции получила награду — орден Знак Почета. Скромный знак «50 лет в КПСС» как бы сфокусировал целую жизнь, труд и доблесть коммунистки.

Здесь, в Керчи, живут дочь, семья внуки, под-

Семья Славных. Стоят (слева направо): Татьяна Полтавская, Мила Митясова, Неля Полтавская, Наум Славин, Лидя Славина, Роза Славина. Сидят: Фаня Славина с внуком Сережей, Татьяна Михайловна Славина в внучкой Наташей, Татьяна Токарчук, Ирина — дочь Нели. Керчь, 1979 год

СЛАВИНЫ

росли и стали школьницами правнучки. Татьяна Михайловна Славина уже не может, как прежде, поехать в Волоколамск, где жители города любовно ухаживают за могилой казненных комсомольцев, не может повстречаться с друзьями ушедшей в бессмертие Жени. Но мир старой, немощной женщины не замкнут стенами квартиры. Многозвучие событий, меняющихся ли-цо земли, доносят листы газет, жизнью и движением светится экран телевизора. Подвиг строителей БАМа и друдовые будни пятилетки, боль Ливана и мужество Никарагуа находят живой отклик в сердце, столь много вместившем.

Умерла в возрасте 86 лет в 1987 г. и похоронена в Керчи на городском кладбище.

ПОЛТАВСКАЯ ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВНА. Родилась в 1919 г. в г. Херсоне (Украина). Отец — **Полтавский Яков Федорович**, мать — **Славина Татьяна Михайловна**. Когда Жене исполнился год, родителей направили на фронт против врангелевцев, и девочку пришлось

*Женя Полтавская
(стоит), ее мать
Татьяна Михайловна,
бабушка, сестра
Неля, отец Яков
Федорович. Витебск,
1937 год*

отдать в Дом ребенка.

После гражданской войны родители, оба партийцы, на одном месте долго не засиживались, часто уезжали в командировки. Женя училась в школе и ухаживала за младшей сестрой.

В седьмом классе она вступила в комсомол. Мечтала об авиашколе, прыгала, на зависть мальчишкам, с парашютной вышки. Семья теперь жила в Витебске: отец — работник облисполкома, мать возглавляла организованную ею трикотажную артель.

У Жени рано обнаружили художнические способности и сильный стойкий характер. Очень хорошо вышивала и рисовала. Старшеклассницей она вышила крестиком портрет Горького. Работу послали в Московское художественно-промышленное училище, и Женю приняли туда без экзаменов.

Умер отец — жить стало труднее. Стипендия Жени была очень маленькой, но она принимала от матери лишь минимальную помощь, знала, что дома не густо. Приезжая на каникулы, работала художницей в артели. Для вышивальщиц она составила альбом белорусского народного орнамента. По заказу Витебского драматического театра сама вышила двадцать костюмов. Работы ее премировались, их посылали на выставки. Последнюю зиму в Москве Женя проходила без теплого пальто.

Летом приехать домой не успела — началась Великая Отечественная война. И Женя, не задумываясь, решила встать в ряды защитников Родины. Подала заявление в Московский горком комсомола. Ее вместе с другими добровольцами направили в воинскую часть № 9903, которая находилась в ведении Военного совета Западного фронта и предназначалась для разведывательно-диверсионных действий во вражеском тылу и организации партизанской борьбы. Началась усиленная учеба по освоению переносной радиостанции, стрельбе из автомата и револьвера, чтению топографической карты.

Что заставляло юных ребят, девушек обивать пороги райкомов и военкоматов, рваться на самые рис-

кованные, смертельно опасные задания? Какие чувства обуревали их? Любовь к Родине и страстная, непримиримая ненависть к фашизму — вот основа поразительной цельности, стойкости молодежи военной поры. Они были патриотами и антифашистами.

Когда немецко-фашистские войска осенью 1941 г. подошли к окраинам Москвы, в их тыл было направлено несколько групп бойцов-комсомольцев с разведывательно-диверсионными заданиями. В одной из групп была Зоя Космодемьянская, в другой — Вера Волошина, в третьей, возглавляемой Константином Пахомовым, — Женя Полтавская. Их было восемь: шесть юношей и две девушки. Известно, что они благополучно обошли многие вражеские посты, но в Волоколамске попали в засаду. В городе находился важный фашистский штаб, усиленно охранявшийся. Целую ночь восемь комсомольцев вели бой с ротой автоматчиков, которые окружили их на кладбище. Героев схватили, когда кончились патроны, израненных привели в город. Девочка, притаившаяся на печи в доме, откуда выгнали жильцов, стала невольной свидетельницей допроса. Пленных вводили по одному. Они отказывались говорить; фашистам не помогли угрозы и пытки.

— У вас, наверное, есть мать, пожалели бы ее, — пробовал офицер сломить стойкость Жени Полтавской.

— Вы лучше себя пожалейте! — гневно бросила ему в лицо девушка.

Про маму и сестру Нелю она знала, что живы, успели покинуть Витебск в последний момент.

Всех восьмерых фашисты повесили. Герои мужественно приняли смерть на глазах у согнанных к месту казни жителей Волоколамска. Приказом командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова восемь комсомольцев посмертно были награждены орденом Ленина.

Среди организаций однополчан, ветеранов Великой Отечественной, есть братство бойцов воинской части № 9903. Есть музей этой части в Истринском районе Московской области: там она дислоцировалась

С НОВЫМ ГОДОМ,
НАШ ДОРОГОЙ,
ЛЮБИМЫЙ СЫН!

Храбро бейся за родную землю и в новом, 1942 году
возвращайся с победой!
Смерть немецким оккупантам!

8 марта.

Я не знаю кто Вы, но решила
написать несколько слов.
Сегодня к нам в общежитие
принесли Ваше письмо адресован-
ное Жени Полтавской, оно нам
еще напомидало про отважных
героев Отечественной войны.

Как это не больно, но я дол-
жна вам написать что Женья
еще в начале ноября сорок ~~перво~~
года погибла от фашистских
извергов: их повесили в Волоколам-
ске. Трудно об этом писать, но
еще труднее вспомнить ее.

Если хотите, то я могу
подробно написать про смерть
Жени, а пока обожду.

Таня.

СЛАВИНЫ

осенью 1941 года. Еще один музей создан красными следопытами в столичной средней спецшколе № 15. Ветераны воинской части № 9903, мужчины и женщины примерно одного возраста, назначают свои встречи дважды в год: 9 мая и в начале декабря. Вторая встреча совпадает с датой нашего контрнаступления под Москвой. Собравшиеся делятся на группы и едут в Петрищево к памятнику Зое Космодемьянской, в совхоз Головково — к месту казни Веры Волошиной, в Волоколамск — на могилу восьми повешенных своих товарищей. На встречи приезжают родственники погибших.

Много лет приезжали к памятнику на Волоколамское шоссе и в Москву на встречу с оставшимися в живых сверстниками Жени Полтавской ее мать Татьяна Михайловна Славина и сестра Нинель Яковлевна Полтавская.

РУКМАН САМУИЛ ГЕРШЕВИЧ. Родился 3 октября 1913 года в еврейской земледельческой колонии Большая Сейдеменуха Херсонского уезда Херсонской губернии (ныне пос. Калининское Велико-Александровского района Херсонской обл).

Среди первых колонистов Сейдеменухи был 35-летний Абрам Рукман. Его семья состояла из четырех человек, а возможно, и больше. Об имени и возрасте жены Абрама и их дочерей (если они у них были) мы пока не располагаем данными. А о сыновьях имеются сведения согласно переписи, которая проводилась в 1858 году. Благодаря данным этой переписи, удалось составить родословную предков Самуила Григорьевича, живших в Сейдеменухе в начале и середине XIX столетия (Государственный Архив Херсонской области, фонд 22, опись 1, архивное дело 95).

Вместе с Абрамом Рукманом и его женой в Сейдеменуху прибыли их несовершеннолетние сыновья: Исаак 11-ти лет и Мордух 3-х лет. Уже в Сейдеменухе в 1813 году родился третий сын Авсей. Сыновья росли, женились, появлялись дети и внуки. В 1858 году в семьях трех сыновей Абрама Рукмана (которого уже давно не было в живых) числилось 14 детей и 4 внука.

Можно предположить, что, по крайней мере, некоторые новые семьи Рукманов в течение нескольких десятилетий достигли высокого уровня зажиточности благодаря трудолюбию, инициативности, физической выносливости и образованности (по тем временам). Об этом свидетельствуют следующие архивные данные.

С 1867 по 1876 год шульцем (старостой) Большой Сейдеменухи состоял Залман Рукман. На такую должность назначались лишь преуспевающие хозяева и энергичные, авторитетные люди.

В 1874 году Мирской сход общества земледельцев

Большой и Малой Сейдеменухи избрал доверенными лицами благонадежных хозяев Исера Бергарда и Алтера Рукмана. Следовательно, Алтер Исаакович Рукман в свои 50 лет был уважаемым человеком в колонии.

Среди правнуков первого колониста семьи Рукманов — Абрама — был Лейб Рукман. Его сын Герш Лейбович, родившийся приблизительно в 1880 году, женился на Мусе Наумовне Зябко из соседней еврейской колонии Большой Нагартав. У них родились 9 детей: 7 сыновей и 2 дочери. Эта многодетная семья была бедной, в отличие от других Рукманов.

Пятый ребенок Герша и Муси Рукманов — **Самуил**. Как и другие мальчики колонии, он учился в хедере. Когда в 1923 году семье выделили одну путевку в начальную еврейскую школу, десятилетний Самуил выпросил ее для себя. Имея уже хорошую подготовку, он пошел сразу в третий класс. Но, проучившись всего один год, Самуил вынужден был оставить школу, чтобы помогать отцу и матери по хозяйству.

В 1929 г. семья вступила в колхоз «Вэг цум социализм» («Путь к социализму»). Шесть лет Самуил работал вколхозе трактористом и комбайнером. В возрасте 22 лет он поступил в агротехникум, который располагался в бывшей помещичьей усадьбе возле колонии Львово, в 30 км от Калининдорфа. Учеба велась на еврейском языке. Техникум готовил агрономов для еврейских колхозов юга Украины и располагал хорошей производственной базой: пахотными землями, животноводческими фермами, сельскохозяйственной техникой. Учащиеся практиковались на полях и фермах, производили продукты питания и для себя.

Четыре года учебы в техникуме для Самуила были лучшим временем его жизни. Он получил диплом агронома. Молодого специалиста с радостью встретили в родном колхозе и назначили на ответственную должность главного агронома. В этой должности он успешно работал два года до начала Великой Отечественной войны.

В июле 1941 г. Самуил Григорьевич по мобилизации в рядах Советской Армии отправился на фронт,

Глава VIII. Родственные семьи

защищать Родину от немецко-фашистских захватчиков. Его семья осталась в оккупированном Калининдорфе и погибла от кровавых рук фашистов и их местных пособников.

На Калининском и Белорусском фронтах Великой Отечественной войны Самуил Григорьевич с честью

*Самуил и Бэлла
Рукманы в Москве
на ВДНХ СССР.
1962 год*

выполнял свой воинский долг. Он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией», в звании старшины завершил в Германии свой боевой путь.

После демобилизации из рядов Советской Армии в 1945 г. Самуил Григорьевич вернулся в родной колхоз, в котором евреев уже было очень мало. Сначала он работал участковым агрономом, а затем — снова

РУКМАНЫ

главным агрономом колхоза. В 1948 г. колхозники оказали ему большое доверие, избрав председателем колхоза. В этой ответственной и беспокойной должности он проработал 19 лет, в течение которых в полную силу развернулись его большой организаторский талант и умение работать с людьми. Под его руководством колхоз стал миллионером и многоотраслевым хозяйством. Колхоз много лет являлся участником сельскохозяйственных выставок в Москве и Киеве, Самуила Григорьевича награждали медалями этих выставок.

За большие успехи в руководстве лучшим колхозом в районе в 1965 г. его представили к званию Героя Социалистического труда и награждению орденом Ленина, но Самуил Григорьевич получил только орден Знак Почета.

До выхода на пенсию он работал заместителем директора, а затем директором хлебоприемочного пункта «Заготзерно» на железнодорожной станции Калининдорф. Все годы сочетал производственную работу с активной общественной деятельностью. Его неоднократно избирали депутатом Калининского сельсовета и Велико-Александровского райсовета народных депутатов.

Самуил Рукман ушел из жизни в 1997 г.

РУКМАН (МУСИНА) БЭЛЛА ЛЬВОВНА. Родилась в многодетной семье потомственного землепашца в еврейской земледельческой колонии Большая Сейдеменуха на Херсонщине в 1916 г. Рано лишилась родителей, три года воспитывалась в детдоме. В 1929 г. окончила семилетнюю школу, затем — педагогические курсы и стала учительницей.

Любовь к поэзии, участие в школьном литературном кружке, публикации стихов в газете, поездка в Харьков на слет юнкоров — все это вехи юности, оставшиеся в памяти на долгие годы. Затем — романтика

студенческой жизни в красавице-Одессе на литературном факультете педагогического института. И снова любовь к поэзии приводит ее в литературную студию при Доме еврейской культуры. Незабываемые встречи с известными еврейскими писателями Губерманом, Нотэ Лурье, Ициком Фефером и другими. И вот она, 21-летняя, общительная и энергичная молодая учительница еврейского языка и литературы, работает в средней школе в г. Дубоссары (Молдавия).

Из Тирасполя приезжает в Дубоссары инженер-строитель Абрам Векслер руководить строительством предприятия. Всегда при галстукe, в очках, интеллигентный, эрудированный.

Ходить в потемках не умею,
Все хочу я познавать, Все
отдам я, не жалея, Чтоб
непонятное понять.

Во время длительных командировок любил писать стихи, но его страсть с детства — музыка, игра на скрипке.

Я скрипку безумно любил, Мой
друг, это было давно, Когда
ребенком я еще был, Когда
детство расцветало мое.

Бывало, играю под вечер,
Когда появлялась луна, И
вечно назойливый ветер В
лохмотья все рвал облака.

Плакала скрипка, стонала,
Как будто живая она, Звуки
за душу хватали, Со
скрипкою плакал и я.

В Дубоссарах Абрам встретил Бэllu Мусину. Они полюбили друг друга, поженились. Он пишет ей:

Не знаю, что в прошлом было с тобою,
Не знаю, что ждет тебя там, впереди, Но
если ты будешь вместе со мною, Мы
счастливы будем, поверь и пойми!

РУКМАНЫ

Итак, их совместная жизнь должна была сложиться счастливо на долгие годы. Но их счастье оказалось недолговечным. И не по их вине...

1937 год неумолимо вторгается в жизнь молодоженов. Они ждут ребенка, в поезде он пишет в дневнике:

Скоро ждем мы
сына, Через
двадцать дней...
Машинист,
быстрее
Подсыпай угля, К
ней вези скорее,
Ни минуты не
медля.

15 октября 1937 года Бэлла родила своего первенца— Наума. Их поэтические души придумали ему свое домашнее ласковое имя — Нолик.

Счастливый отец начинает вести дневник от имени младенца. Первая запись: «Сегодня в 16 часов и несколько минут я родился. Мама сильно кричала. А папку моего я не вижу чего-то. Интересно посмотреть, какой он, и послушать, что он маме скажет обо мне». Следующая запись в дневнике: «Сегодня мама дала мне кушать. Какое сладкое молоко! Только не успел я как следует поесть, как какая-то тетя забрала меня и унесла в другую комнату». Роженицу с младенцем выписывают из больницы. «Ура! Сегодня мы с мамой приехали домой. Признаюсь, я разочарован: комната небольшая, народу много и очень жарко».

И еще дневниковые записи: «Опять болит животик. Я громко плачу, а папка сердится, но разве я виноват?» «Говорят, что сегодня выходной день. Понятия не имею, что это значит». Ребенок растет, крепнет, окруженный заботами молодых родителей и двух бабушек, приехавших специально по этому случаю.

Абрам Векслер едет в очередную командировку и, как обычно, в дороге сочиняет стихи. На этот раз он пишет «Колыбельную», которую должна петь его молодая жена.

Спи, мой Нолик, вертлявый, как
ролик. На дворе совсем темно.

Бай, бай, бай, баюшки, баю.

Спи, мой сыночек, свежий, как цветочек.
Папа будет нас с тобой ругать.

Бай, бай, бай, баюшки, баю.

Спи, мой хороший, маленькая крошка.
Нам подарок папа привезет.

Бай, бай, бай, баюшки, баю.

Близится конец года, наступает южная зима.

Сыро, холодно и гадко,

Зима иль осень — я не знаю.

Хлопья снега в беспорядке

Кружатся, падают и тают...

31 декабря 1937 года... Нолику уже два с половиной месяца. В клубе украшают новогоднюю елку. Абрам говорит Бэлле: «Пойди в клуб, получишь там подарок для сына, я приду за тобой». Бэлла долго ждала мужа. Не дождавшись, пошла домой, но и там его не было. Не пришел он ни вечером, ни ночью. В большой тревоге провела она новогоднюю ночь у кровати сына. А утром узнала, что мужа арестовали и прямо с работы увезли в тюрьму. На следующую ночь, во время обыска в квартире, ей сказали, что муж арестован «за контрреволюционную деятельность», что он «враг народа». Бэлла не хотела и не могла поверить в такое страшное обвинение. Ведь она хорошо знала мужа: его мысли и поступки, честность и патриотизм. Она твердила про себя: «Он чист душой, он не предатель». Она помнила его слова:

Язык мой скуп и беден, А стих
мой очень слаб, Но, право, я
совсем безвреден И
неподкупен...

Бэлла носила передачи мужу в тюрьму и мечтала хоть на минуту встретиться с ним.

Однажды она решилась на отчаянный поступок. Поздно вечером она вошла в проходную тюрьмы и спокойно сказала, что ей нужно пройти к следователю Юфе. Очевидно, дежурный решил, что это — родст-

венница Юфы, и впустил ее, даже не выписав пропуск. Следовательно она назвалась и стала умолять его устроить свидание с мужем. Что побудило этого жестокого, лживого служаку дать согласие на такое свидание, трудно понять. Он велел Бэлле подождать. Более двух часов она ждала в тюремном коридоре, прислонившись спиной к стене. Воспоминания о счастливых днях с любимым поддерживали ее дух в эти томительные часы. И думала она о нем, о его положении, о его душевных и физических муках. Когда-то он писал:

Скажи мне, скрипка, скажи,
Скажи мне только одно: Что
ждет меня там, впереди...

Но вот послышался скрип дверей, шарканье ног, кашель, и Бэлла увидела знакомую фигуру мужа. Лицо его было серым, как пепел, плечи сгорбились. Сапоги были разрезаны сверху донизу. Поймав ее взгляд, он объяснил: «Пока сидел в подвале в первые две недели после ареста, не разрешали снимать сапоги. Ноги отекли, пришлось сапоги разрезать». Она показала мужу фотографию сына. Он смотрел на фотографию глазами, полными слез. Разговаривать можно было только о домашних делах. Она говорила ему о сыне, о себе, матери. Взглядом старалась выразить ему свою любовь и преданность. Быстро-быстро пролетели десять минут свидания, и его увели. Для нее его увели навсегда. Но тогда, после свидания, она еще надеялась:

Я верю, что розы яркий свет
Осветит еще мое серое существование.

По Тирасполю прошел слух, что политических заключенных будут куда-то этапировать. Улица, ведущая от тюрьмы за город, наполнилась народом. Вскоре из тюрьмы выехала колонна крытых автомашин. Люди кричали, цеплялись за машины, звали своих близких, родных. Кто-то из одной автомашины крикнул Бэлле: «Вашего еще раньше отправили на север».

Она была в обморочном состоянии, ей стало холодно,
глаза налились слезами, что-то сжало горло и грудь.
И слышались будто издалека его слова:

Сыплет снег, и буйный ветер
Дико воет. Нельзя дышать...

Возвратившись домой, она долго рыдала и думала
о своем безутешном горе, о судьбе сына, его сына, их
сына.

Бэлла с сыном возвращается в родную колонию.
Здесь работает в школе. Годы ожидания мужа... Тоска
по нему выливается в стихи:

Пролетела птица, крылья распрямив.

Широко открыла я глаза: птица, ты издалека?
Может быть, там, в далеких краях и странах,

В черном лесу ты увидела моего единственного?

Он — наш любимый отец, он — наша кровь,
Он там хотя бы сыт, не потерял мужества?

Скажи ему, красивая птица,
Что хочу полететь я к нему.

Пусть он глаза поднимет И
увидит солнце и меня.

Тяжелее всего ей было весной. 1941 год... Село
Львово Калининдорфского района, где она преподает
в школе еврейский и немецкий языки. Тоскливые
строки сами приходят на ум:

Уйдите от меня, мысли черные,
Хватит сочиться крови из сердца...

Началась война, и Бэлле Мусиной в числе немно-
гих удалось уйти от смерти, которую несли фашисте-
ские изверги всему еврейскому народу. Она с сыном
эвакуировалась в Узбекистан, где преподавала немец-
кий язык в школе. И здесь у нее рождаются новые
стихи:

Кто же поднял на нас топор тупой, В
самом основании жизнь оборвал, Кто же
может вылечить мою острую боль? Только
мой друг, мой муж дорогой!

РУКМАНЫ

В 1944 году Бэлла вместе со своими земляками возвращается в родное село. Большинство родственников и односельчан уже нет в живых: погибли на фронте или в противотанковом рве от рук фашистов. Еврейского национального района уже нет, еврейских школ тоже нет, некого учить этому родному языку ее предков, ее детства и юности. И она до самой пенсии преподает немецкий язык в местной украинской средней школе.

После восьми лет безнадежного ожидания мужа Бэлла вторично вышла замуж за прекрасного человека — Самуила Рукмана, у которого жена и дети погибли от рук фашистов в сентябре 1941 года. В тяжелые послевоенные годы они вырастили и воспитали Нолика и еще троих своих детей: сыновей Леню и Юру и дочь Марину. Теперь у них есть внуки и правнуки.

Этот рассказ составил Иосиф Шайкин, родственник Самуила Григорьевича Рукмана. Перевод стихов Бэллы Львовны с идиш — его же.

*Иосиф Шайкин,
Бэлла Рукман, Гидеон
Шадми (Шайкин),
Самуил Рукман,
Михаил Шайкин
(слева направо).
Усадьба С. Рукмана в
п. Калининское.
Сентябрь 1990 года*

ЗЯБКО НАУМ АБРАМОВИЧ. Родился 5 марта 1921 года в еврейской земледельческой колонии Нагартав в семье земледельцев Абрама Наумовича и Сарры Григорьевны Зябко.

В 1929—1936 годах учился в Нагартавской еврейской семилетней школе, затем в Березнеговатской украинской средней школе.

В 1939 году поступил в Николаевский педагогический институт, но в том же году был призван в Красную Армию. Служил в пехоте в Псковской области.

В начале Великой Отечественной войны его воинскую часть отправили на фронт, в первом же бою она попала в окружение возле города Резекне в Латвии. Попытка выйти из окружения не увенчалась успехом, Наум Абрамович вместе с однополчанами попал в плен и их отправили в Германию. Над ним нависла смертельная опасность и он был вынужден сменить имя и отчество. Фамилия Зябко — не еврейская, он ее сохранил. Остались инициалы Н.А., но теперь он уже был не Наум Абрамович, а Николай Александрович. Это спасло ему жизнь.

Вместе с другими пленными его переводили из одного пересыльного лагеря в другой. В конечном счете, благодаря знанию сельского хозяйства его направили в трудовой лагерь для выполнения работ в помещичьем хозяйстве. После освобождения из плена он служил рядовым в группе советских войск в Восточной Германии.

В 1946 году Наума Абрамовича демобилизовали из армии. Он возвращается в родной Нагартав, который больше не был еврейским селом. Большинство его родственников погибли от злодейских фашистских рук в 1941 году. Перед ним встал вопрос: где и кем работать? Ведь он хотел стать педагогом, но война

прервала учебу в институте. Теперь он уже не 18-летний юноша, а человек, испытавший много невзгод военного времени, увидевший крах ненавистного фашизма и великую Победу над ним союзных армий. И Наум Абрамович решил согласиться с предложением районного отдела народного образования стать директором начальной школы.

Однако в связи с преобразованием школы в среднюю и назначением на должность ее директора дипломированного специалиста, к тому же, члена партии, Наум Абрамович сосредоточился на учительской деятельности. Преподавал физику, химию, физкультуру. Длительное пребывание в Германии, где он освоил немецкий язык, позволило ему вести уроки этого языка.

В 1946 году Абрам Наумович женился на Симе Моисеевне Гольдиной. У них родились два сына: Михаил — 12 августа 1947 года и Аркадий — 13 февраля 1950 года. Отец уделял большое внимание воспитанию и всестороннему образованию сыновей. Оба сына учились здесь же, в Нагартавской школе. Михаил после окончания средней школы поступил в Николаевский судостроительный техникум, где получил специальность механика. Затем он закончил Севастопольский приборостроительный институт по специальности «радиотехника».

Целеустремленный, способный, трудолюбивый, Наум Абрамович, имея значительную педагогическую нагрузку, обремененный семьей, находил время и для получения педагогического образования. Параллельно с работой в школе он заочно окончил последовательно педагогические курсы, учительский институт и Николаевский педагогический институт по специальности «математика», ставшей для него основным предметом преподавания в старших классах школы. Находил он время и для общественной работы, не только в школе, но и среди местного населения: читал лекции, был агитатором на выборах органов власти, командовал школьной колонной на праздничных шествиях.

В 1965 году, после двадцати одного года совместной жизни, умерла жена Сима Моисеевна, а в 1971 году, в возрасте 21 года, внезапно умер (во время игры в волейбол) сын Аркадий.

Наум Абрамович тяжело переживал потери близких людей. Его здоровье было подорвано, в результате в возрасте 61 года наступила преждевременная смерть. Его с большими почестями похоронили на местном кладбище.

*Человек без памяти прошлого, поставленный
необходимостью заново определить свое
место в мире, человек, лишенный
исторического опыта своего народа и других
народов, оказывается вне исторической
перспективы и способен жить только
сегодняшним днем.*

Чингиз Айтматов
«Буранный полустанок»

